

ком думает князь. По совету приближенных Владимир, чтобы освободиться от Данилы, посылает его на опасное задание.

Ситуация, как видим, очень далекая от той, которая дана в «Повести». Сопоставление Владимира с Батыем и Данилы с Федором возможно лишь при очень больших натяжках. Единственное, что действительно сближает обе ситуации, — это роль оговорщика. Но нет оснований видеть здесь результат прямого заимствования и последующей переработки. Оговорщики, злые советчики — обычные персонажи русского эпоса, знакомые не только былинам о Даниле Ловчанине. Образ оговорщика в «Повести» может быть истолкован как фольклорный. Сама же ситуация имеет некоторое соответствие в русском песенном фольклоре. В былинах женщина (жена царя, князя) является нередко предметом стремлений вражеского (или просто чужеземного) царя. Ее похищают силой, увозят хитростью, берут с помощью угроз. При этом ее всегда берут как жену — мотив этот уходит в далекую эпическую и историческую традицию, о которой здесь можно не говорить. В былинах о татарском нашествии, о захвате Киева Идолищем иногда содержится одна из угроз — взять княгиню.

В «Повести» эпический мотив похищения или завоевания женщины и насильственной выдачи ее замуж за царя-победителя (за чудовище и т. д.) получил иной характер: Батый намерен надругаться над рязанскими женщинами, в том числе и над Евпраксией.

Что касается всей истории с Федором, встающим на защиту достоинства своего и своей жены, то в известном нам русском фольклорном материале аналогии отсутствуют. Муж может выступать как спаситель жены, похищенной врагами. Заметим, что самое поведение Федора ничем не напоминает поведения былинного Данилы.

В той части эпизода, которая касается Федора, есть одна подробность, заставляющая вспомнить эпос, хотя она, быть может, в данном случае отражает конкретный ход событий. В былинах о татарском нашествии обычна просьба русских дать им некоторый срок для исполнения ультиматума. С этой целью (а иногда и с целью разведать силы врага) в татарский стан едет Илья Муромец, который везет подарки. В некоторых вариантах Калин-царь ведет себя примерно так же, как Батый в «Повести»: он проявляет гордость и старается унижить послов. «И тут Калин принял золоту казну нечестно у нево, сам прибранивает».¹¹ Возможно, что не от истории, а от литературной (может быть, и фольклорной) традиции идет повествование о том, как Батый, приняв дары и пообещав не воевать Рязанскую землю, стал угрожать захватом всей Русской земли.

Вторая часть эпизода, в которой выступает Евпраксия, чрезвычайно необычна для книжной традиции. Изображение самоубийства и его поэтизация явно не в духе древней русской литературы. Герои ее способны принять мученическую смерть за «веру христианскую», за «русскую землю», готовы претерпеть любые страдания. Но с точки зрения христианской морали самоубийство — акт недопустимый. Самоубийство знакомо русскому эпосу, но былины с этим мотивом, вероятно, сравнительно поздние. В былинах герои кончают с собой не от горя или отчаяния, а от сознания невозможности примириться со злом, жертвами которого они стали. Поэтому аналогия, которую проводит Миллер между Евпраксией и Василисой, недостаточно убедительна. Василиса кончает с собой не только потому, что не может пережить смерти мужа, но и потому, что не хочет

¹¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958 (далее: Сборник Кириш Данилова), стр. 170.